

Огнем, штыком и лестью

Мировые войны
и их националистическая
интерпретация в Прибалтике

Владимир СИМИНДЕЙ

РЕДАКЦИОННО
УТВЕРЖДЕНО

Восточная Европа. XX век

Владимир Симиндей

**Огнем, штыком и лестью.
Мировые войны и их
националистическая
интерпретация в Прибалтике**

«Алисторус»

2015

УДК 82-311.2
ББК 63.3(2)722

Симиндей В. В.

Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их
националистическая интерпретация в Прибалтике /
В. В. Симиндей — «Алисторус», 2015 — (Восточная Европа. XX
век)

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникали (про)германские политические прожекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в Германии и фашистской Италии, официальный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской политики в 1939 г., советские репрессии в 1940–1941 гг.? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы. Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

УДК 82-311.2
ББК 63.3(2)722

© Симиндей В. В., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Вместо предисловия	7
I. История и историография	8
Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны	8
Эстония: на периферии военных действий	9
Литва: оборона Ковенской крепости и долгая немецкая оккупация	12
Латвия: героика и поиск политической ниши	14
Латвия, Литва и Эстония в контексте внешнеполитических и военных проблем (1933–1941)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Симиндей
Огнем, штыком и лезвием. Мировые
войны и их националистическая
интерпретация в Прибалтике

Рецензенты:

д. и. н. М. И. Мельтюхов

к. и. н. А. И. Петренко

© Симиндей В. В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо предисловия

В XX веке множество военных и мирных сюжетов в истории Прибалтики было самым тесным образом переплетено, связано с Россией, СССР и Германией. Две мировые войны оставили по-разному тяжелые следы в прошлом народов наших стран. В этой связи представляет определенный научный и общественный интерес то, какие интерпретации причин, хода и последствий мировых войн преобладают в современной прибалтийской историографии, а какие остаются на периферии. Во всяком случае, автор поставил перед собой задачу разобраться в национальной и националистической «оптике», сквозь которую рассматриваются ключевые проблемы данной тематики. В ходе работы над книгой предстояло затронуть и вопрос о том, соблюдается ли баланс локальных, региональных, национальных, европейских и мировых перспектив в изложении фактов прошлого в условиях предвзятого отношения к России/СССР.

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникали (про)германские политические прожекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в межвоенный период из Германии и фашистской Италии, лезть в их адрес, официальный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской внешней политики в 1939 г., наконец, советские репрессии в 1940–1941 гг.? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Как сочетается апология сотрудничества с немецкими нацистами и русофобия в государственной исторической политике, учебниках истории? Кто именно «опрокидывает» в прошлое современные политические установки? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

I. История и историография

Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны

Мировая война, ставшая роковым периодом в истории царской России, коренным образом повлияла на социально-политические процессы в Прибалтийском крае, на самосознание его населения и предопределила передел восточного побережья Балтики, с XVIII века находившегося под властью российских императоров. Глубина и трагизм деформации прибалтийских окраин России особенно ярко отражается в латвийском сюжете, так как именно на территории будущей Латвии длительное время велись боевые действия (в отличие от Литвы, в 1915 г. почти полностью захваченной германскими войсками, или Эстонии, столкнувшейся с немецкой оккупацией в основном только в феврале 1918 г.).

Вместе с тем события Гражданской войны и разного рода интервенций (немецкое, французское, британское и американское военное присутствие в регионе), обозначаемые в официальных документах и национальных историографиях как «Освободительная война»,¹ формирование различных органов власти, военно-политическое поражение коммунистов и события середины XX века заметно вытеснили Первую мировую войну на периферию общественного сознания. Данная тематика лишь опосредованно использовалась властями и оппозиционными группами в политической мифологии создания независимой государственности. Исключением, пожалуй, может служить лишь миф о латышских стрелках, своеобразным ответвлением которого стал уже советский миф о красных латышских стрелках. Не отрицая их соучастия в кровавых событиях Гражданской войны в России, особое внимание в официальной латвийской историографии обращают на их неучастие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге. В остальном, можно сказать, продолжается «тотальная героизация в мемориализации». Так, в IX ежегоднике Военного музея Латвии опубликована статья под интригующим названием: «Латышские стрелки – интернационалисты или националисты» (по версии автора, национализм «проскальзывал» через большевизм).² А летом 2013 г. вышла в свет и с большой помпой была презентована в Военном музее Латвии книга-альбом «Собирайтесь под латышскими знаменами!»,³ содержащая более 1,6 тыс. фотографий, репродукций и документов из различных музеев и частных коллекций.

Несмотря на распространение в Эстонии и Литве, а в особенности – в Латвии⁴ различных негативистских представлений, например, о «четвертой большой трагедии, серьезно угрожавшей выживанию латышей»⁵ и о «русских генералах, специально не жалевших наших боевых парней», в целом проблематика Первой мировой войны не относится к числу политически конфликтных для отношений с Россией вопросов. В связи с этим период 1914–1918 гг. прак-

¹ См., например: Eesti ajalugu. V. Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Ilmamaa, 2010; История Латвии: XX век. С. 120–135. Благодарю Илью Никифорова (Таллин) за помощь в работе с эстонскими источниками и литературой.

² *Kriģere I. Latviešu strēlnieki – internacionālisti vai nacionālisti // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. IX. Rīga, 2008. 11. – 19. lpp.*

³ См.: *Pulcējaties zem latviešu karogiem! Rīga, 2013.*

⁴ «Потери латышских стрелков – около 2000 убитыми и 7000 ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях» (см., например: *Баумерт И., Курлович Г., Томашулис А. Основные вопросы истории Латвии: учеб. пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 57).*

⁵ После борьбы латышских племен XIII в., длительной Ливонской войны и чумы, сопровождавшей Северную войну: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918 // 20. 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2000. 537. lpp.*

тически не использовался в недружественных выпадах в адрес России по мере создания и реализации новой исторической политики (с 1991 г.).

Подобная «сдержанность»⁶ особенно заметна на фоне навязчивого внимания к Рижскому мирному договору от 11 августа 1920 г. как якобы до сих пор действующему международно-правовому акту и «краеугольному камню латвийской государственности»,⁷ а также из-за заикленности властных кругов и официальной историографии стран Балтии на событиях 1939–1940 гг. и «оккупационной» риторике в адрес Москвы. В данных условиях, несмотря на иные разногласия и споры, все же представляется возможным проведение совместных мемориальных акций, увековечивающих память воинов Великой войны.

Эстония: на периферии военных действий

Территория нынешней Эстонии (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской) фактически находилась в прифронтовой полосе, а острова Моонзундского архипелага – Даго и Эзель – в 1917 г. подверглись германской оккупации. В эстонской исторической науке эти сюжеты всегда находились на периферии политического и научного интереса, хотя и отмечалась, например, стратегическая важность Таллинского военного порта и иной смежной военной инфраструктуры именно для России: *«В предвоенные годы в Северной Эстонии были проведены невиданные по масштабу строительные работы по сооружению оборонительных укреплений и строительству шоссейных и узкоколейных дорог. На разные объекты строительства были привлечены помимо военных десятки тысяч человек – как местных, так и приехавших из внутренних губерний России. В Таллине быстрыми темпами были построены три кораблестроительных завода для крейсеров, миноносцев и подводных лодок»*.⁸

Однако в постсоветский период не обнаружено глубоких и одновременно детальных исследований Первой мировой войны. При этом февраль – март 1917 г. в Петрограде и события окончания войны на территории Эстляндии и части эстоноязычных районов Лифляндии использовались и продолжают использоваться для выстраивания национальной мифологии создания эстонской государственности в период 1918–1920 гг.

Во всяком случае эстонская историческая мысль пока не знает такого уровня книг, посвященных политике и государственному управлению в период Первой мировой войны в Прибалтийском крае, подобных, например, работе А. Бахтуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)».⁹ Не удалось обнаружить серьезных эстонских изданий – монографий или статей – посвященных политике немецких оккупационных властей как в Курляндии (частично в Лифляндии), так и на эстонских островах. Исключение, пожалуй, составляет изданная Сааремааским музеем работа Х. Ояло «Сааремаа в огне войны. Осень 1917 г.».¹⁰

⁶ Стоит отметить, что в первом томе официального академического труда Института истории Латвии Латвийского университета, посвященного событиям 1900–1918 гг., из 869 страниц времени и событиям Первой мировой войны отведено менее 100 (см.: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai...* 537–631. lpp.).

⁷ Так, 11 августа 2010 г. глава МИД Латвии А. Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня подписания мирного договора с Советской Россией, позволившего временно отторгнуть от России исторические земли Псковщины (Пыталово и окрестности), назвал его «частью генетического кода латвийского государства» и «священным писанием» Латвии (LETA, 11 августа 2010 г.). Особенно навязчиво этот и подобные ему тезисы раскручиваются в брошюре А. Пуги, в которой неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреходящего значения» и даже «сохранения до сих пор в силе» этого договора с Советской Россией (см. рецензию на книгу А. Пуги: *Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010 // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 174–176).

⁸ Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007. С. 22.

⁹ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁰ Ojala H. Saaremaa sõjatules. Sügis 1917. (Saaremaa Muuseumi toimetised. 4.) Kuressaare, 2008. 226 lk.

Трудно найти и специальные исследования, посвященные конкретным проявлениям военно-экономической политики Российской империи, военным операциям в период Первой мировой войны в Эстонии или Прибалтике в целом, за исключением узкоспециальных публикаций в региональном журнале «Балтфорт», да и то зачастую они принадлежат российским авторам.¹¹ И это несмотря на то, что в Таллине (Ревеле) была сосредоточена техническая база Балтийского флота, возведен специализированный военно-морской Русско-балтийский завод, а также завод «Ноблесснер» по строительству подводных лодок и многие другие.

В эстонской историографии не принято уделять особого внимания тому, что предвоенный и военный рост промышленного производства в Ревеле выразился и в резком изменении демографической ситуации. Так, в промышленные центры Эстонии наряду с местным пролетариатом были приглашены и тысячи высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров из Центральной России. Достаточно сказать, что в период немецкой оккупации 1918 г. и за несколько месяцев, ей предшествовавших, из одного только Ревеля в Россию эвакуировалась и бежала почти треть населения города – около 50 тыс. человек, в основном русских.

Как известно, в период с 1914 по 1918 г. в российскую армию было призвано в общей сложности до 100 тыс. мужчин-эстонцев. Национальные части (полки) были сформированы только в 1917 г. с согласия Временного правительства. Они дислоцировались в Эстонской губернии в границах, установленных Временным правительством, и в крупных войсковых операциях участия принять не успели. Поэтому эстонская историография, в отличие от латвийской, не уделяет большого внимания действиям эстонских подразделений в Первой мировой войне, акцентируя внимание на политической роли эстонских полков в период второй половины 1917 г. и начала 1918 г.

Тема Первой мировой войны обычно рассматривается эстонскими историками либо в обобщающих работах по истории Эстонии в целом,¹² либо в «Освободительной войне 1918–1920 гг.» в частности. Так, подробно рассматривается история Эстонии в период Первой мировой в многотомном издании «История Эстонии» (т. 5: «От падения крепостного права до Освободительной войны»).

Как уже отмечалось, собственных обобщенных исследований Первой мировой войны эстонская историография не знает. Однако на эстонский язык переведены наиболее популярные работы американских, английских, немецких и финских авторов. Например, в 2011 г. был издан перевод с финского М. Харьюла «Эстония 1914–1922: мировая война, революция, независимость и Освободительная война».¹⁴ Или перевод с французского мемуаров М. Палеолога «Царская Россия во время мировой войны»¹⁵ (Таллин, 2010). (Мемуаристика вообще любимый жанр эстонских исторических издательств.) Ряд краеведческих работ посвящен инфраструктурным объектам периода Первой мировой войны. К таким работам можно отнести, например, брошюру М. Эйнсалу и О. Орро «Рохукюла. Забытая военная гавань Российской империи и другие архитектурные жемчужины».¹⁶ В качестве мемуаров в 2009 г. опубликованы и дневниковые записи офицера-эстонца Ю. Тывранда «Участие в боях Первой мировой войны и в частях под командованием генерала Корнилова: дневник».¹⁷ Особое внимание уделяется, как обычно, памятникам этнической истории. Так, эстонский историк Я. Росс выпу-

¹¹ См., например: *Новиков П. А.* Несостоявшаяся десантная операция русской армии в Курляндии летом 1916 г. // *Baltfort*. 2012. № 3 (20). С. 24–34.

¹² См., например: *Граф М.* Эстония и Россия...

¹³ *Eesti ajalugu. V. Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani.* Tartu: Ilmamaa, 2010.

¹⁴ *Harjula M.* Eesti 1914–1922: maailmasõda, revolutsioonid, iseseisvumine ja Vabadussõda. Tallinn: Tänapäev, 2011.

¹⁵ *Paléologue M.* Tsaaririik maailmasõjas. Tallinn: Kunst, 2010.

¹⁶ *Eensalu M., Orro O.* Rohuküla: Vene impeeriumi unustatud sõjasadam ja selle säilinud arhitektuuripärlid. Tallinn: Eesti Arhitektuurimuuseum, 2013.

¹⁷ *Tõrvand J.* Võitlustest Esimeses maailmasõjas ja kindral Kornilovi väes: päevaraamat. Tallinn: Grenader, 2009.

стил в Кельне на английском языке брошюру и лазерный диск с записями голосов эстонцев, содержащихся в немецких лагерях для военнопленных в 1916–1918.¹⁸

Сравнительно подробное описание боевых действий в прибрежных эстонских водах представлено в работе местного морского историка М. Ёуна и Х. Ояло «Сражения на Балтике 1914–1918: Первая мировая война в прибрежных водах».¹⁹ Х. Ояло является и автором выпущенной в Тарту в 2007 г. истории подводной войны («В тени моря: подводная война на Балтике 1914–1919 и 1939–1945»), в которой весьма детально раскрывается эта тема.²⁰

Собственно внутривойсковым аспектам Первой мировой войны посвящена статья К. Яансона «Эстонец Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 – май 1915 г.)», опубликованная в журнале «Туна».²¹ Статья посвящена малоизвестному историческому эпизоду, когда социалист А. Кескюла задолго до А. Парвуса попытался начать переговоры с Германией, чтобы побудить ее оказать помощь революционерам. Однако главный акцент автор делал на национальной революции, что, по справедливому мнению историка Яансона, не совсем соответствовало германским интересам: в Берлине опасались, что энергия национальной революции обратится против местных остзейских землевладельцев.

Такие темы, как «Февральская революция и рождение Эстляндской национальной губернии», «Постановление Временного правительства России от 30 марта 1917 г. – краеугольный камень эстонской государственности», «национальный вопрос в партийных программах», «выборы и политические столкновения», «борьба за различные формы государственности» и др. рассмотрены в книге М. Графа «Россия и Эстония. 1917–1991: Анатомия расставания».²² Автор приходит к следующим выводам: *«После революции и Гражданской войны в России Эстония путем тяжелых военных потерь и сложных дипломатических переговоров приобрела статус самостоятельного государства. Для маленького народа, который до Первой мировой войны не имел даже автономии, не говоря уже о государственности, это было большим достижением. Создание национального государства дало эстонскому народу возможность развивать собственную культуру и экономику, избавиться от угрозы потери собственной идентичности в составе Российской империи»*.²³ Однако М. Граф не удержался от «прогностических» домыслов в стиле апокалиптической альтернативной истории: *«Какая судьба ожидала бы страну, если бы в Эстонско-русской войне 1918–1920 гг. победили красные и Эстония стала бы советской республикой? При таком исходе событий последствия для эстонцев оказались бы самыми трагическими, и под сомнение было бы поставлено само существование эстонской нации. Учитывая то обстоятельство, что в Советской России (СССР) беспощадно наказывали людей, да и целые народы, за так называемые контрреволюционные преступления, эстонцев ожидали бы репрессии и переселение во внутренние районы России»*.²⁴

Приведенные примеры дают, на наш взгляд, достаточное представление об основных трендах в эстонской историографии данной тематики, так и не вышедшей в большинстве своем за рамки банального этноцентризма, националистических интерпретаций и, в лучшем случае, узкого краеведения.

¹⁸ Encapsulated voices: Estonian sound recordings from the German Prisoner-of-War camps in 1916–1918 / ed. by Jaan Ross. Köln [etc.]. Böhlau, 2012.

¹⁹ Ёун М., Ояло Х. Võitlused Läänemeres 1914–1918: Esimene maailmasõda koduvetes. Tallinn: Olion, 2011.

²⁰ Ояло Х. Varjud meres: allveesõda Läänemeres 1914–1919 ja 1939–1945. Tallinn: Grenader/Astlandia, 2007.

²¹ Туна: Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Национальный архив. Тарту; Таллин, 2006. С. 66–91. На рус. яз.

²² Граф М. Эстония и Россия...

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Граф М. Эстония и Россия... С. 320–321. Автор, используя такое понятие, как «Эстонско-русская война 1918–1920», некорректно смешивает в одно целое различные аспекты Гражданской войны, германской оккупации и интервенции.

Литва: оборона Ковенской крепости и долгая немецкая оккупация

Круг интересов литовской историографии Первой мировой войны определяется в основном лит уаноцентричностью, а сквозь эту призму – и ходом боевых действий на территории Литвы в 1914–1915 гг., подробностями отношений литовских властей («Литовская Тариба») с немцами в 1918 г. – от провозглашения 16 февраля 1918 г. Литвы отдельным государством, а 11 июля – королевством с приглашением на престол немецкого принца до отмены 2 ноября такого решения.²⁵

При этом до сих пор классическими и даже непревзойденными считаются работы межвоенного периода, например «Литва в Великой войне» 1939 г.²⁶ или эмигрантский выпуск 1970 г. «Литва в узде царя и кайзера».²⁷ Именно они задали ориентиры дальнейшего формирования националистических и антироссийских мифов в современном восприятии событий Великой войны и ее последствий литовскими историками и обществом.

Особое внимание у местных историков вызывает оборона Ковенской крепости, подаваемая (не без оснований) как центральное событие всех боевых действий на территории Литвы в годы Великой войны. В связи с этим исследовательский интерес вызывает у них и история создания Ковенской крепости, сами фортификационные сооружения, комплектование гарнизона. Также имеются работы по изучению подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях на территории Литвы, их биографий и боевого пути в годы Первой мировой войны.²⁸

Как известно, захват Ковенской крепости после упорных боев в августе 1915 г. позволил кайзеровской армии оккупировать значительные территории Российской империи, включая почти всю Литву (например, Виленский край и Вильно были заняты немцами уже в сентябре 1915 г.).

В 2012 г. Институт военного наследия опубликовал на русском языке дополненный вариант книги-альбома каунасского историка и музееведа А. Поцюнаса, посвященного кропотливой реконструкции боев 1915 г. вокруг Ковенской крепости.²⁹ На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное и богато иллюстрированное исследование по данной тематике, насыщенное фактическим материалом и оценками конкретных боевых действий сторон, впечатлениями местных жителей, отложившимися в социальной памяти литовского народа. В качестве примера в книге приводятся слова одного жителя города Ковно: «Ужасная и сногшибательная картина! На горизонте ночи – горы, леса, тучи, земля и небо – все тяжело дышит в облаках огня под аккомпанемент прерывающего все это грохота. Окна съезжаются беспрерывно. Треск пулеметов и ружей сливается в один шум, как будто это буянит громадный вихрь. Залпы пушек каждую минуту встряхивают поверхность земли и небо, свист пролетающих снарядов кажется триумфальным полетом каких-то птиц ада».³⁰ При этом, в отличие от иных историков и публицистов, А. Поцюнас в своих критических замечаниях не переходит грань, за которой находится русофобское и антироссийское мифотворчество.

²⁵ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244–245.

²⁶ Lietuva Didžiajame kare. Vilnius, 1939.

²⁷ Gintneris A. Lietuva Caro ir Kaizerio Naguose Atsiminimai is I Pasaulinio Karo Laiku 1914–1918 m. Chicago, 1970.

²⁸ См., например: Костров В. И. Из истории военно-учебных заведений Вильны. Выпускники Виленского пехотного юнкерского училища – участники и герои Первой мировой войны // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 208–211.

²⁹ Поцюнас А. Ад войны: У Ковенской крепости. 1915 год. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Институт военного наследия, 2012.

³⁰ Там же. С. 114.

Литовские историки сходятся во мнении, что военные действия привели к разрушению хозяйственной и общественной жизни Литвы, однако отмечают, что длительная немецкая оккупация породила в литовском общественном мнении представление о том, что с Берлином будет легче договориться о «восстановлении» государственности, чем с Петроградом, где после Февральского переворота среди прочих «свобод» не провозгласили «свободу сепаратизма».

При этом немцы, не давая никаких авансов создания государственности на оккупированных территориях, разрешили литовцам 18–23 сентября 1917 г. провести в Вильнюсе «Литовскую конференцию». На ней был избран «Совет Литовского края», впоследствии переименованный в «Литовскую Тарибу» (председатель – Антанас Сметона, будущий авторитарный «вождь» страны).³¹ Хотя в литовской политической мифологии «Литовской Тарибе» отводится ключевая роль в формировании («восстановлении») государственной самостоятельности Литвы, некоторые литовские историки все же упоминают о том, что этот орган «с довольно неопределенными полномочиями <...> как якобы представительный орган Литвы практически никаких соответствующих функций не выполнял, поскольку в условиях военной оккупации существование подлинно представительного органа немыслимо».³² Политическим приговором выглядит оценка доктора истории З. Петраускаса: «В своей политике в Литве и непосредственно во взаимоотношениях с Литовским Советом германские власти считали его совещательно-информационным органом, а оккупационные власти – чуть ли не звеном своего аппарата».³³

В литовской историографии обретения государственности скрупулезно отражен польский фактор в лавировании литовских общественно-политических сил. Как пишет доктор истории Ч. Лауринавичюс, «еще до окончания Первой мировой войны стало ясно, что возрождающееся польское государство не ограничится этнической территорией, но при благоприятных условиях станет расширяться на восток, на земли бывшей Речи Посполитой». Далее он отмечает: «Стремясь преградить путь Польше, литовские политики разрабатывали территориальные проекты, по которым Литва намеревалась включить в свой состав районы Гродненской губернии к югу от Немана. Таким образом, Гродненский край должен был сыграть роль естественного защитного барьера от польской экспансии».³⁴ При этом автор уклоняется давать собственную оценку попыткам литовцев защититься от поляков за счет белорусских территорий.

Октябрьский переворот, Брестский мирный договор, последующие события Гражданской войны в России, вмешательство в них стран Антанты и Германии качественно изменили ситуацию, дав шанс литовским национальным и националистическим группировкам объявить и удержать суверенитет. При этом в литовской историографии отмечается тенденция преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» и преувеличивать усилия и героизм собственных политиков, дипломатов и военных.

На фоне некоторой историографической косности следует отметить заметные позитивные изменения в деле увековечивания памяти воинов Русской императорской армии и гражданских лиц православного вероисповедания, упокоенных в литовской земле.³⁵ Стараниями посольства России в Вильнюсе и НПО «Институт военного наследия» (при участии органов местного самоуправления, порой оправдывающихся перед национал-радикалами: «Криминала

³¹ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244.

³² Петраускас З. Принципы самоопределения народов в контексте восстановления государственности Литвы после Первой мировой войны // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 187.

³³ Там же. С. 187–188.

³⁴ Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу восточной государственной границы // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 211.

³⁵ См., например: Иванаускайте Э. Проект реставрации старого русского кладбища г. Радвилишкиса // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 136–139.

тут нет»³⁶) в последние три года ведется большая работа по реставрации могил и мемориалов. Так, 11 ноября 2013 г., несмотря на недовольство и протесты «националов», обвинявших организаторов в «восхвалении столетней царской оккупации»,³⁷ состоялось открытие нового памятника на могилах русских воинов, захороненных у деревни Вайтишкяй Мариямпольского округа Литвы.

Национальная мифология касается и первого солдата Русской императорской армии. Как отмечает Ю. Тракшялис, *«считается, что после 3 августа 1914 г. до начала Восточно-прусской операции, когда был захвачен нынешний город Кудиркос-Науместис, погибло 500 человек. И первым погибшим считается литовец. И именно этому литовцу мы поставили первый свой памятник, он установлен в городе Кудиркос-Науместис»*.³⁸

В целом современная литовская историография характеризуется литуаноцентричностью, при этом столетие начала Великой войны и работы по восстановлению воинских кладбищ вызывают в литовском обществе как раздражение, так и некоторый интерес не только к «своим» могилам и предкам.

Латвия: героика и поиск политической ниши

В латвийской историографии можно обнаружить консенсус относительно того, что начало боевых действий против кайзеровской Германии в августе 1914 г. вызвало сильный всплеск антинемецких настроений и «верноподданнического энтузиазма» в Курляндской и Лифляндской губерниях. Там Великая война воспринималась как борьба с историческим недругом, источником многовековых колонизационных волн. Современные латвийские историки особо отмечают этот *«антигерманский настрой, временами перераставший в своего рода истерию»*.³⁹

Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX – начале XX века, происходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских общественных кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905 г. и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-экономические противоречия в регионе. В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царской администрации.

Современные латышские историки, характеризуя ситуацию 1914 – начала 1915 г., отмечают, что *«война разбудила латышей от национально-политического оцепенения»*. По их мнению, *«участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг – одновременно и враг многих европейских народов»*.⁴⁰ В этой обстановке латышские национальные круги, по мнению исследователей, постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако, подчеркивают они, и сам особый статус прибалтийских провинций, и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с

³⁶ Бабинайте К., Зверко Н. В Литве – страсти вокруг памятника воинам Российской императорской армии // RuDelfi.lt. 2013. 11 ноября.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 68.

⁴⁰ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 70.

имперским руководством в Петербурге и его представителями на местах не мог не оставить следа в умах латышской элиты.

Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набиравшей популярность в годы Великой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в связи с этим российский исследователь Л. Воробьева, *«чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители “верхнего слоя” латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию»*.⁴¹

Действительно, в 1914 г. в речах латышских политиков доминировали верноподданические и лоялистские нотки. Так, 26 июля 1914 г. депутат Я. Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: *«Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не признавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, достигнуто под защитой Русского Ора и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага»*.⁴² Однако эти тезисы рассматриваются в современной латвийской историографии как «архаика», предшествовавшая быстрому разочарованию в царских властях с последующим выдвижением автономистских и/или революционных лозунгов.

В первые недели и месяцы войны эта лоялистская риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Как отмечает латвийский историк О. Пухляк, в пограничной с германским Мемелем Курляндской губернии (крупнейший порт которой – Либава – был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» на второй день войны, 20 июля / 2 августа) уже в конце июля 1914 г. около 3 тыс. латышей вызвались добровольцами идти на фронт воевать против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую.⁴³

Как в целом отмечают латвийские историки, первые же поражения Русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим потерям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на войну добровольцами и придерживались патриотических и в целом русофильских взглядов. И. Бутулис и А. Зунда подчеркивают, что только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 г. стойко прикрывавшем в арьергардных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен латышей составила, по некоторым подсчетам, около 20 тыс. человек.⁴⁴ Эти оценки нашли косвенное подтверждение: в 20-е гг. прошлого века «военспец» профессор А. Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: *«Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а*

⁴¹ Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР / Фонд «Историческая память»; Рос ин-т стратег. исслед. М., 2009. Кн. 1. С. 88.

⁴² См.: Занимательная история латвийских русских – 2 (1914–1920 гг.). Рига, 2009. С. 166.

⁴³ См.: Пухляк О. Н. Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 164–180.

⁴⁴ Бутулис И., Зунда А. Указ. соч. С. 69.

*также солдатская масса, выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы разрушены».*⁴⁵

Весной 1915 г. боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен губернский город Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру – Риге. В октябре 1915 г. немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по Западной Двине (Даугаве) примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 г. кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгие четыре года.

Можно согласиться с латвийскими историками в том, что потеря Курляндии, где германским руководством был введен жесточайший оккупационный режим, а также превращение Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону принесли латышскому народу неисчислимые бедствия.⁴⁶ Но нельзя не напомнить, что поражения русских войск существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить германскую оккупационную политику, проблему беженцев и вопрос создания национальных воинских частей (включая восприятие последующих проявлений героизма и больших потерь).

Курляндия наряду с Литвой и частью территории современной Белоруссии была объявлена «областью управления Верховного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латышские историки отмечают: *«Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание – в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введены ограничения на свободное передвижение и строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались».*⁴⁷

В работах латышских историков упоминаются планы германского истеблишмента относительно «старых немецких земель» в Прибалтике, в которых были представлены различные комбинации колонизационно-аннексионной политики с использованием инструментов этнической чистки территории и онемечивания оставшегося латышского населения. Своего рода полигоном рассматривалась Курляндия, треть земель которой в первоочередном порядке следовало распределить среди новых немецких колонистов из Германии. Аннексионные требования инспирировались Берлином через «Балтийский совет доверия», составленный из балтийско-немецкого дворянства. Адепты германского колониализма открыто ссылались на «исторический опыт», согласно которому латышам уготована судьба вымершего балтийского племени – древних пруссов.⁴⁸ Это также, как представляется, довольно глубоко вошло в социальную память латышей.

⁴⁵ Великая забытая война. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 93, 94.

⁴⁶ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 73.

⁴⁷ Там же. С. 74.

⁴⁸ Там же. С. 74–75.

Как отмечают латвийские историки, германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев в глубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги⁴⁹ и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными трудностями. В современной латвийской историографии принято считать (и не без оснований), что официальные учреждения России оказались не готовы обеспечить кров и пропитание людям, согнанным германскими войсками с родных мест, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. На это был дан *карт-бланш* национальным общественным организациям, призванным позаботиться о беженцах, наладить взаимодействие с государственными органами на местах.⁵⁰

В Петрограде 30 августа 1915 г. состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис, общественные деятели – В. Олафс, А. Бергс, Я. Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 г., развернул сеть из 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел привлечь государственные средства и частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

К настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышей во внутренних губерниях активистов комитета подталкивала боязнь «распыления» значительной части латышского народа на просторах России (у литовцев и эстонцев, в меньшей степени затронутых эвакуацией, столь серьезной озабоченности не было).

Так, в начале 1916 г. в Эстляндии и Лифляндии было зарегистрировано около 149 тыс. латышских беженцев, а во «внутренних» губерниях России – около 109 тыс. К середине года численность официально зафиксированных латышских беженцев достигала около 334 тыс. человек, фактическая же их численность оценивалась как в два раза большая.⁵¹ Для оценки масштабов проблемы беженцев, отмечаемой латышскими историками, можно привести тот факт, что даже в некоторых удаленных губерниях латыши составляли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Например, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской губернии, на 1 сентября 1916 г. в ней обосновалось 4862 человека, из которых латыши составляли 2010 человек, поляки – 683, литовцы – 231, эстонцы – 56.⁵²

В советской историографии и пропагандистской публицистике преобладали критические нотки в отношении деятельности комитета, учитывая ее правонационалистический «уклон». В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе вольготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения.⁵³

В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам, напротив, описывается в превосходных тонах (отчасти не без основания), причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой

⁴⁹ Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 г. современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» (см.: *Бутулис И., Зунда А.* Указ. соч. С. 69).

⁵⁰ *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И.* Указ. соч. С. 75.

⁵¹ *Šalda V. Latviešu bēgļi Krievijā (1915–1920) // Latvijas arhīvi.* 2005. Nr. 3. С. 8–9.

⁵² *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. С. 130.

⁵³ См., например: *Мишке В.* Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40–41.

Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной «лоялистской» маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: «В Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа».⁵⁴ В латышских эмигрантских публикациях также обращается внимание на роль этого комитета в постановке с декабря 1916 г. вопроса об «объединении разделенных частей латышского народа в едином и непобедимом организме», включая латгальцев Витебской губернии⁵⁵ (хотя далеко не все из них считали себя латышами, а свой язык – лишь диалектом латышского).

В постсоветских учебниках проблема беженцев подана под специфически пропагандистским углом, критикующим царское правительство: «Положение беженцев было очень тяжелым, потому что правительство царской России о них не заботилось. Беженцы сами должны были организовывать помощь своим землякам. В эту работу активно включились представители латышской интеллигенции, которые в местах наибольшего скопления латышских беженцев в России создавали организации по оказанию помощи беженцам».⁵⁶ В другом учебнике утверждается (без контекста германского наступления): «Многих заставили стать беженцами силой русские войска. Оставшихся без родины и имущества беженцев в товарных вагонах развезли по всей России. Там они ютились в приютах, прозябали на станциях или в открытом поле. Помощь от правительства беженцам была незначительной».⁵⁷

Как известно, в июле 1915 г., под впечатлением от потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной думе Я. Залитис и Я. Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 г. положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными ранее националистическими призывами, особо выделяемыми современными историками из Латвии: «Собирайтесь под латышскими знаменами!»⁵⁸ Впоследствии латышские батальоны были развернуты в 8 полков, объединенных в две бригады, не считая девятого – резервного.

Любопытно мифотворчество вокруг этого дела в латышской учебной литературе: «Войска царской России оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться. Именно это обстоятельство способствовало появлению в латышском обществе идеи, что оборона Видземе, а также возвращение Курземе и Земгале должны осуществляться латышскими войсковыми подразделениями».⁵⁹

Образчиком негативных измышлений, рассчитанных на детей, можно считать следующий отрывок из учебника: «Армейское командование издало приказ о том, что Курземе должны покинуть все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На просьбу курземцев остановить разорение земли верховный главнокомандующий вооруженными силами России великий князь Николай Николаевич ответил: “Плевать я хотел на ваши Курземе!”»⁶⁰ Апофеозом национа-

⁵⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

⁵⁵ Высказывание католического епископа, проф. Я. Ранцанса (цит. по: Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma: Daugava, 1976. 20. lpp.).

⁵⁶ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 52–54.

⁵⁷ Курлович Г., Томашунс А. История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 172.

⁵⁸ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 75.

⁵⁹ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

⁶⁰ Klišāns V. Vēsture vidusskolai. III daļa. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2005. 56. lpp. Переутвержден Министерством

листического бахвальства является следующий пассаж: *«Царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее полков. В июле 1915 г. были утверждены правила формирования батальонов. Было опубликовано воззвание “Собирайтесь под латышские знамена!” <...> Части латышских стрелков были первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России»*.⁶¹ Разумеется, никаких «уступок требованиям» не было, а история «современных» национальных воинских и милиционных частей в России насчитывала не одно десятилетие (например, Дагестанские конные полки, Туркменский конно-иррегулярный дивизион).

Использование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места на самых трудных участках фронта, было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это порождало брожение в умах, причудливую смесь национализма и восприимчивости к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения монархии в феврале 1917 г. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под оружейным и пулеметным огнем немцев.⁶² На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат.⁶³ В результате мало кто из латышских обывателей в январе 1917 г. знал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 г. – 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки. Это стало истоком мифа о том, что смело сражались только латышские стрелки.

Злонамеренные слухи времен Великой войны и горькие оценки историков переплелись в современной мифологии, которую представляют латвийским школьникам: *«Кровавые бои продолжались, немецкое наступление было задержано, но Елгава и Курземе остались в руках немцев. Потери латышских стрелков – около 2 тыс. убитыми и 7 тыс. ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях»*.⁶⁴ Другие латышские авторы внушают школьникам: *«Осенью 1915 г. немецкая армия быстро продвигалась вперед на рижском направлении. Русская армия не боролась с полной отдачей, так как была апатичной; генералы не хотели и не могли вдохновить солдат на борьбу. Противника они считали превосходящим, а землю, за которую следовало бороться, чужой для себя»*.⁶⁵

Стираются в Латвии из памяти и места захоронений русских воинов, их подвигов при защите большого Отечества. Так, латышский историк Я. Лисманис в своей фундаментальной книге, посвященной мемориализации мест боев и захоронений воинов на территории Латвии в период с 1915 по 1920 г., дает описания и ссылки на 252 захоронения солдат Российской армии разных национальностей, отмечая при этом, что «большая часть из них не сохранилась

образования и науки ЛР в 2008 г.

⁶¹ Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 176, 177.

⁶² Balodis A. Latvijas un latviešu tautas vēsture. Rīga: Kabata, 1991. 165. lpp.

⁶³ См.: Гайворонский К. С. Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 47–54.

⁶⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 57.

⁶⁵ Goldmane S., Klišāne J., Kļaviņa A., Mīšāne I., Straube L. Vēsture pamatskolai. Latvija 20. gadsimtā. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2006. 26. lpp.

до нашего времени». ⁶⁶ Однако латвийский краевед А. Ржавин приводит данные о том, что ранее таких захоронений существовало около 500, включая единичные и расположенные на немецких кладбищах. Подготовленный его стараниями мартиролог «Список захоронений воинов Российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1.8.1914–3.3.1918) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1.9.1917 Российской республики)» доступен в электронном виде. ⁶⁷ Общая численность воинов Российской армии, захороненных на территории Латвии, точно не известна, тогда как немцы подсчитали количество своих павших солдат, которых было около 24 тыс. ⁶⁸

Роль Февральской революции как катализатора автономистских (и скрытых сепаратистских) тенденций на неоккупированной немцами части Латвии отражена в научной, научно-популярной и учебной литературе: *«У каждой нации есть право на самоопределение. Получение государственного суверенитета является неотъемлемой частью этого права. Латвийская нация использовала историческую возможность и завоевала суверенное государство. Латвийское государство образовалось в период, когда Российская империя в Первой мировой войне стояла на пороге военного, экономического и политического краха. Февральская революция открывала широкие возможности для автономии живущих в России народов»*. ⁶⁹

В целом спектр вариантов военно-политических и территориальных решений местные историки представляют себе таким образом: *«После Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство считало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени были социал-демократы, которые раскололись на две группы – большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением К. Маркса о государстве диктатуры рабочих. В Латвии ими руководил Фрицис Розинь»*.

Меньшевистская часть социал-демократии Латвии в большей мере защищала интересы латышского народа. Она требовала для Латвии права на автономию, чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития. Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками». ⁷⁰

Как известно, по мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 г. удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 г.; в Риге осталось немало латышей, что открывало этот региональный центр для различных политических спекуляций с германской стороны.

Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. – всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию и отсутствие устойчивой власти в Петрограде, и нарастание радикальных настроений и насилия, и «похабный» Брестский мир, и опасения в латышских политических кругах утратить родные земли «навсегда». Все это постепенно открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упова-

⁶⁶ Lismanis J. 1915–1920 kauju un kritušo karavīru piemiņai: Pirmā pasaules kara un Latvijas Atbrīvošanas cīņu piemiņas vietas / Jānis Lismanis; priekšv. aut. Eižens Upmanis. Rīga: N. I. M.S., 1999.

⁶⁷ Русское Общество в Латвии: интернет-сайт. URL: http://voin.russkie.org.lv/2ov_bkm.php.

⁶⁸ Lismanis J. Op. cit.

⁶⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 28. lpp.

⁷⁰ Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 187.

нию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 г. откровенно марионеточных («правительство Ниедры») или «просто» коллаборационистских («правительство Улманиса») политических новообразований – вопреки мифам о решающей роли «Освободительной войны» против войск и красноармейцев.

Возникшие в ходе Первой мировой войны хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов), как отмечают историки, в сочетании с жестоким террором немцев на оккупированных территориях ощутимо задела широкие слои латышского населения и явились факторами его революционирования.⁷¹ В авангарде трансформации политико-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии – Исколат) и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы. Так, в сентябре 1917 г. представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63 % фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России проголосовали 72 %. («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36 и 23 % голосов). Таким образом, еще до Октябрьского переворота 1917 г. территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России.

Стоит ли удивляться, что после Октябрьского переворота в Петрограде в не занятой немцами большей части Лифляндии практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны и иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутривнутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за передел прибалтийских окраин России вступили Германия, Великобритания, Франция и США.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 г. для «перемалывания» большевиков, а сами немцы, маневрируя между странами-победительницами, стремились так или иначе закрепиться в регионе. С одной стороны, победа большевиков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой – стремление бывших союзниц России ослабить ее или во всяком случае выстроить для Запада «санитарный кордон» против большевизма создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

В учебной литературе эти события подаются с изрядным цинизмом: *«Россию раздирали военные действия и смута, в которые большевики широко вовлекали латышские стрелковые части. Их посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков – левых эсеров в Москве, против белогвардейской армии адмирала Колчака и в другие места»*.⁷² Также школьникам внушают, что *«большевики не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение, однако их попытка в 1919 г. с помощью военного вторжения и разжигания гражданской войны сформировать в Латвии свой режим не увенчалась успехом»*.⁷³

Руководство Советской России 2 февраля 1920 г. заключило мирный договор с Эстонией, а 11 августа – с Латвией, пойдя на территориальные и финансовые уступки. 26 января 1921 г.

⁷¹ Воробьева Л. М. Указ. соч. С. 97.

⁷² Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 189, 190.

⁷³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Op. cit.

Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании *де-юре* отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 г. последней из стран-победительниц юридически признали Латвию и Эстонию США, причем с оговоркой госсекретаря США Ч. Э. Хьюза: «...*Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются туземным населением*». ⁷⁴ При этом юридическое признание Литвы западными странами произошло только 20 декабря 1922 г.

Судьба Латвии и других прибалтийских земель решалась при прямом вмешательстве внешних сил в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2,5 млн человек, проживавших там в 1914 г., в 1918 г. осталось лишь около 1,3 млн человек. Эта статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или оказались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти стараются не поднимать.

* * *

Первая мировая война в Прибалтике в зеркале местной исторической науки и народной памяти, как представляется, не находится в фокусе исследовательского и общественного внимания. Вместе с тем еще с межвоенного и эмигрантского периодов накопилось немало мифов, по большей части антирусских и антирусских, так или иначе связанных с Великой войной – от выдумок о русских генералах, специально сдававших литовские и латвийские территории немцам, славших на верную гибель латышских стрелков, до мифов о том, что урона от русских войск местному населению было больше, чем от немецких; от тенденции преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» в обретении независимости до преувеличения усилий и героизма собственных политиков, дипломатов и военных.

Возможно, что отголоски печальной даты 100-летия начала Великой войны еще вызовут у прибалтийских ученых интерес как к исследованию конкретных региональных, биографических «белых пятен» в истории Первой мировой войны, так и побудят к написанию серьезных обобщающих работ, лишенных крайностей этноцентризма.

⁷⁴ Цит. по: Фоменко А. В. Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 60.

Латвия, Литва и Эстония в контексте внешнеполитических и военных проблем (1933–1941)

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами, своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. – диктатура Антанаса Сметоны в Литве, с 1934 г. – диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам в мировой политике. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель, а также нараставших реваншистских претензий Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

* * *

Прослеживая дипломатические виражи и особенности режима, характерные для Латвии как центральной страны региона в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера означал образование в центре Европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опиралась на представления о расовом превосходстве «арийцев» и требования мировой гегемонии «Тысячелетнего рейха». В прибалтийских столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Германии. Так, латвийский посол в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал министру иностранных дел ЛР К. Заринышу, что кабинет Гитлера является «новым экспериментом» – и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь, германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши все же опасаются германской угрозы своей независимости, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии.⁷⁵ Попытки латвийской дипломатии как можно скорее успокоить общество не увенчались успехом: госсекретарь МИД Германии Б. фон Бюлов отверг идею подписания совместного коммюнике об отношениях двух стран.

⁷⁵ Purkl A. Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studium zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Münster, 1996. S. 256.

Утверждение германского посла о «широком удовлетворении» было явным преувеличением. Наоборот, в латвийском обществе наблюдались массовые протестные настроения в адрес местных и германских нацистов, выразителями которых, наряду с коммунистами, были влиятельные в тот период социал-демократы. Можно сказать, что в 1933 г. Латвийская Республика оказалась на авансцене противодействия гитлеризму и фашизму, однако продержалась там совсем недолго. Так, лидер латвийских социал-демократов Б. Калниньш от имени своей партии 8 марта выступил в печати с требованием к правительству ЛР «выдворить из Латвии фашистов-гитлеровцев». 17 марта Сейм поддержал предложение этой партии о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и рядом других репрессивных мер. Еще одна тема противостояния возникла после решения германских нацистов о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 г. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период 51 % от общего объема латвийского экспорта этого продукта.⁷⁶ «Масляная война» была свернута в июне 1933 г., когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

Таким образом, Кабинет министров Латвии предпочел пойти на уступки и не выполнить антинацистское парламентское решение. Более того, «главным врагом» были демонстративно объявлены вовсе не нацисты, а депутаты-коммунисты в Сейме, которые и были в ноябре 1933 г. арестованы по обвинению в «государственной измене». Этот политический жест, благосклонно воспринятый в Берлине, фактически стал прологом к военному перевороту в Латвии в мае 1934 г.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе и гарантированного нейтралитета государств-лимитрофов, не развернутого де-факто против СССР. Дипломатические усилия Москвы были обусловлены потребностями предотвращения военной угрозы. В частности, прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в регионе противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград, потеря которого могла обернуться для Советского Союза катастрофическими последствиями.

Вместе с тем активность Москвы на международной арене по предотвращению фашистской угрозы вызывала недоверие и подозрительность в странах Прибалтики. Правящие круги в этих государствах продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма, все еще рассчитывая на поддержку Лондона, Парижа и Вашингтона, а в случае ее дефицита – на формирование «блока нейтралов» или некоторый эффект от сближения с Берлином. Так, в декабре 1933 г. Латвия и Финляндия подписали секретный протокол о военно-политическом сотрудничестве, содержавший призыв к созданию прибалтийско-скандинавского союза. Но попытка главы МИД Латвии В. Салнайса найти поддержку в ходе визита в Стокгольм не увенчалась успехом: шведы не были заинтересованы в доминировании на прибалтийской площадке сближавшихся между собой Польши и гитлеровской Германии, но латышам, эстонцам и литовцам не доверяли, желая вообще избежать каких-либо блоковых обязательств.⁷⁷

Военно-политическая обстановка в регионе, с учетом нацистской угрозы для Советского Союза на прибалтийском направлении, все же требовала от Таллина, Риги и Каунаса иного

⁷⁶ Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reīha skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 54. lpp.

⁷⁷ См.: Петренко А. И. Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 185–189.

уровня гарантий, соответствовавших законным и жизненно важным интересам безопасности СССР. Со своей стороны, советское руководство понимало значимость и настойчиво добивалось надежно гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы. Нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. *«Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада»*, – констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек.⁷⁸

Однако Эстония, Латвия и Литва ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили общее предложение СССР и Польши о предоставлении прибалтийским странам гарантий их безопасности; отказалась в итоге от подписания совместной декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики и Варшава.⁷⁹

⁷⁸ Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

⁷⁹ Там же. С. 104.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.